

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).084

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-206-215>

ОДИССЕЯ БЕЛОГВАРДЕЙЦА И ЭМИГРАНТА В.С. КОРОТКОВА

© А.П. Шекшеев

Хакасская республиканская организация «Общество Мемориал»,
Красноярская Епархиальная комиссия по канонизации святых и церковно-историческому наследию,
655017, Российская Федерация, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 59-49.

Аннотация. В данной публикации освещается жизненный путь, судьба человека, безусловно известного в Сибири в качестве врага советской власти. Будучи по происхождению казаком, по убеждениям – монархистом, а по службе – офицером, В.С. Коротков являлся фронтовиком Первой мировой войны. После октябрьских революционных событий 1917 г. он служил в Красноярской городской милиции, симпатизировал членам антибольшевистского подполья, но в свержении первой советской власти не участвовал. С ее падением Коротков сразу же был назначен руководителем Красноярской милиции, затем он являлся еще и начальником отряда особого назначения. В этом качестве он участвовал в Гражданской войне на стороне белых, ликвидировал преступность, большевистское подполье, воевал с красными партизанами. Отступив с Белой армией на Дальний Восток, Коротков был вынужден эмигрировать в Маньчжурию, где прожил длительное время, занимаясь зубоврачебной практикой, сотрудничая с зарубежными фирмами. Являлся он и руководителем Хайларского отделения Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии, атаманом одной из станиц. Коротков все же не избежал советского суда и вероятной гибели в лагерях. С разгромом советской армией японцев он был арестован и вывезен в Советский Союз. В 1947 г. Красноярский краевой суд осудил его на 25 лет лишения свободы.

Ключевые слова: белые, большевики, Гражданская война, казаки, милиция, отряды особого назначения, подполье, советская власть, эмиграция.

Информация о статье. Дата поступления 19 апреля 2018 г.; дата принятия к печати 17 мая 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Шекшеев А.П. Одиссея белогвардейца и эмигранта В.С. Короткова // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 206–215. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-206-215

ODYSSEY OF WHITE GUARD AND IMMIGRANT V.S. KOROTKOV

© A.P. Sheksheev

Khakass Republican organization "Society Memorial",
Krasnoyarsk Diocesan Commission on canonization of saints and Church-historical heritage,
49, 59 Shchetinkina Str., Abakan 655017, Republic of Khakassia, Russian Federation

Abstract. This publication highlights the life and destiny of a man, undoubtedly known in Siberia as an enemy of Soviet power. Being a Cossack by origin, by conviction a monarchist, and an officer in the service, V. S. Korotkov was a front-line soldier of the World War I. After the October revolution of 1917, he served in the Krasnoyarsk city police, sympathized with the members of the anti-Bolshevik underground, but did not participate in the overthrow of the first Soviet power. With its fall Korotkov was at once appointed the head of Krasnoyarsk militia, then he was also the chief of group of special purpose. In this capacity, he participated in the Civil War on the side of the white, eliminated crime, the Bolshevik underground, fought with the Red partisans. Retreating with the White Army to the Far East, Korotkov was forced to emigrate to Manchuria, where he lived a long life, doing dental practice, cooperating with foreign firms. He was also the head of the Hailar branch of the Office for Russian Emigrants in Manchuria, the ataman of one of the villages. Korotkov still did not escape the Soviet court and the probable death in the camps. With the defeat of the Soviet army of the Japanese, he was arrested and taken to the Soviet Union. In 1947, the Krasnoyarsk regional court sentenced him to 25 years in prison.

Keywords: *white, Bolsheviks, Civil war, Cossacks, police, special detachment, underground movement, the Soviet government, emigration*

Article info. Received April 19, 2018; accepted for publication May 17, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Shekshiev A.P. Odyssey of White Guard and immigrant V.S. Korotkov. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 206–215. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-206-215. (In Russian).

В ходе разгрома советскими вооруженными силами японской Квантунской армии и освобождения от нее северного Китая СМЕРШ захватил проживавших там белоэмигрантов, в прошлом участников борьбы с советской властью. Часть из них была убита на месте, другая – вывезена в Монголию и на территорию СССР, где оказалась расстрелянной или судимой и лишенной свободы. Контрразведка Забайкальского фронта арестовала и депортировала из Трехречья в СССР каждого четвертого взрослого казака (Волков, 2001. С. 380; Худобородова, 1998. С. 77). Перед советским судом предстал генерал-лейтенант Белой армии и атаман Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенов, который по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 30 августа 1946 г. был повешен.

Среди захваченных в районе Трехречья 7 декабря 1945 г. и в дальнейшем заключенных в Алма-Атинский концлагерь № 40 Министерства внутренних дел Казахской ССР находился Василий Семенович Коротков, бывший офицер, белогвардеец, возглавлявший во время Гражданской войны правоохранительные органы Енисейской губернии. 6 марта 1947 г. оперативный отдел Управления данного лагеря привлек его за контрреволюционную деятельность к уголовной ответственности. Уже 14 марта дело Короткова было передано для слушания в Военный трибунал войск МВД союзной республики. Но 15 апреля за недостаточностью инкриминируемых обвиняемому преступлений и для доследования его контрреволюционной деятельности в 1918–1919 гг. оно было возвращено в Управление лагеря, а 15 июля передано Управлению МВД Красноярского края. 27 августа 1947 г. это дело было принято к производству старшим следователем Красноярского управления МВД, младшим лейтенантом Ф-м (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 76, 128, 171). Так Коротков после 27 лет эмиграции и заключения

вернулся в Красноярск в качестве подследственного.

Личность В.С. Короткова уже освещалась в краеведческой, научной и справочной литературе. Деятельность его оценивалась в них неоднозначно. Известный красноярский эсер Е.Е. Колосов, к примеру, отзывался о Короткове так: «Это был человек жестокий, физически очень сильный, по готовности на всякое преступление очень опасный, по натуре – просто разбойник». «Безжалостным карателем» оставался он в памяти ветеранов революции и Гражданской войны. Рассматривая деятельность Короткова с партийных и классовых позиций, в публикациях советского времени его называли «предателем» и «изувером» (Бугаев, 1993. С. 242). Уже в современном энциклопедическом издании рассказывается, что Коротков «руководил расстрелами подпольщиков и заложников», организовал «карательный» отряд, действовавший против партизан (Енисейский энциклопедический словарь, 1998. С. 283).

Но в новейшей литературе содержится иная, противоположная оценка личности и деяний Короткова как человека, занимавшегося «важным и опасным делом», «талантливого руководителя» (Звягин, 2001. С. 181, 239). Почти такая же или сдержанная характеристика Короткова, оценка его деяний содержалась и в книге самого автора (Шекшеев, 2006. С. 103–113). Между тем обнаруженные новые архивные материалы позволяют продолжить освещение данной темы и взглянуть на эту личность более содержательно.

Сохранившиеся в архивохранилище ФСБ протоколы допросов Короткова являются документами, которые при критическом их осмыслении позволяют показать его жизнь более полно и, не опускаясь до политизации, вынести сравнительно объективный вердикт деятельности этого человека. Его показания заслуживают внимательного

прочтения еще и потому, что содержат в себе новую информацию о малоизвестных аспектах большевистского подполья, Белого движения и русской эмиграции. Они успешно дополняются документами Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии, изысканными краеведами в одном из архивов страны.

Родился В.С. Коротков 26 декабря 1892 г. (по старому стилю) в семье железнодорожного служащего г. Самары. С переводом родителя на обслуживание Сибирской железной дороги его в 1896 г. привезли в Красноярск. В 1907 г. Коротков окончил железнодорожное, в 1909 г. – техническое, а в 1913 г. – Курское землемерное училище. По окончании последнего он служил при Курско-Орловском управлении земледелия и госимуществ. По случаю 300-летия Дома Романовых Коротков среди других оказался награжденным специальной медалью.

Заменив брата, он в августе 1913 г. вступил на военную службу вольноопределяющимся первого разряда 17 Туркестанского стрелкового полка, дислоцированного в Ашхабаде. После обучения в полковой учебной команде, Коротков в 1914 г. был переведен на службу в штаб Ташкентского военного округа. С окончанием Ташкентского военного училища по первому разряду (январь 1915 г.) его в начале 1916 г. произвели в прапорщики.

По распределению попав в Иркутский военный округ, Коротков служил в Красноярске подпоручиком 30 Сибирского стрелкового полка. Будучи младшим офицером, командовал ротой. В 1917 г. поручик Коротков был отправлен на фронт, где служил в Отдельной Читинской казачьей бригаде, являлся командиром батальона, а с июня по март 1918 г. – 510 Волховского пехотного полка. В составе 12-й армии Северо-Западного фронта он участвовал в боях, был ранен в левую ногу и контужен в голову. К этому времени он уже был награжден орденами Святой Анны четвертой степени, Святой Анны третьей степени с мечами и бантом, Святого Станислава третьей степени.

С падением Временного правительства и продолжающимся развалом русской армии Коротков в качестве командира полка привел свою воинскую часть к Петрограду, где она и была разоружена. В

апреле 1918 г. демобилизованный он вернулся к семье в Красноярск.

Относившийся по своей сословной принадлежности к казачеству, Коротков, по его свидетельству, во время революции в политических организациях не состоял и считал себя монархистом (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 5, 8, 16, 17, 60, 61; Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 23056. Л. 1, 2, 9, 11, 13).

Находясь в Красноярске, Коротков по рекомендации бывшего сослуживца, офицера Ф.В. Богданова, возглавлявшего тогда местную городскую милицию, был принят на должность помощника начальника ее первого отделения. От знакомых милиционеров, являвшихся в прошлом офицерами, он знал о создании областниками в Красноярске подпольной антибольшевистской организации со штабом в сапожной мастерской и руководителем капитаном А. Бредихиным. Но, не испытывая особых симпатий к эсерам и областникам, Коротков так не стал ее членом. Когда же милиционерам от совдепа поступил приказ о политическом преследовании бывшего офицера, они, являясь, как показал подследственный, «идейными сторонниками мятежа», отказались его выполнять. За это Коротков и четверо его подчиненных 1 июня 1918 г. были подвергнуты 13-дневному заключению в тюрьме, которое закончилось для них лишь по ходатайству нового начальника городской милиции С.А. Кочурова, в прошлом офицера и сослуживца Короткова по 30 полку. 20 июня, буквально через день после оставления большевиками Красноярска, Коротков как бывший офицер явился к начальнику гарнизона полковнику В.П. Гулидову, от которого он вышел уже начальником Красноярской городской милиции (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 9, 61, 62, 64; Государственный архив Красноярского края. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 2. Л. 16).

По мнению одного из авторов, Коротков поступил в милицию из-за «шкурных целей», имея желание выслужиться перед властями, руководствуясь стремлением уйти от воинской повинности и участия в начавшихся боях (Бугаев, 1993. С. 220). Опровергая такое объяснение, специали-

сты по истории правоохранительных органов все же признаются, что мотивы поступления людей на службу в милицию ими пока не обнаружены (Звягин, 2001. С. 181).

Тем значимее является заявление об этом самого Короткова, ставшего за период с февраля 1917 г. пятым начальником Красноярской и, видимо, губернской милиции. Он объяснил следователю, что его переход в антибольшевистский лагерь был обусловлен не политическими взглядами, а скорее прагматическими соображениями. Будучи беспартийным, но молодым и честолюбивым человеком, успешно начавшим военную карьеру, познавшим на фронте ощущение власти и недвольным политикой большевиков, заключивших Брестский мирный договор, он стремился к дальнейшему продвижению по служебной лестнице (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 9). О том, что Коротков в глубине души являлся аполитичным ландскнехтом, свидетельствуют его в прошлом приятельские отношения с будущими и известными большевиками, анархистами и тут же с представителями новой власти (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 74, 154).

Коротков обвинялся в разгроме Красноярского большевистского подполья, избиениях и расстрелах политических заключенных, организации «карательного» отряда, участии в боях с партизанами, в выполнении заданий японской разведки и формировании на территории Маньчжурии русских воинских отрядов на случай войны Японии и СССР (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 73, 84, 86, 171). При внимательном ознакомлении с материалами следствия становится очевидным, что показания подследственного, специально подобранных свидетелей и потерпевших, которые в них следовали своим политическим взглядам и эмоциям, нередко противоречат друг другу. Коротков, возможно, пытаясь защищаться, также не сразу облекал события в плотные конкретики и с трудом вспоминал имена их участников. Следствие безоговорочно принимало сторону обвинения. Более того, оно особое внимание уделяло поиску отрицательных черт характера и поступков подследственного и настойчиво пыта-

лось инкриминировать Короткову новые эпизоды его якобы преступной деятельности.

Красноярское управление МВД располагало сведениями о том, что 10 ноября 1918 г. под руководством Короткова в Николаевской слободе был совершен арест десятерых человек, в том числе членов I подпольного большевистского комитета. Согласно показаниям большевика с 1903 г. и подпольщика А.И. Гуна, Коротков лично расстрелял одного из них. Реагируя на это обвинение, подследственный указал на ошибку, свойственную его современникам и перешедшую к историкам: все они возлагали вину за разгром большевистского подполья на белые правоохранительные органы в целом. Он объяснил, что его ликвидацией занимались контрразведка, государственная охрана и следственная комиссия при окружном суде, деятельность же находившейся под его руководством милиции ограничивалась арестами, опознанием и доставкой подпольщиков начальнику военного района. Согласно показаниям Короткова, задержание членов подпольного комитета проходило с ведома начальников первого и четвертого отделений милиции, а якобы расстрелянный им подпольщик оказался убитым конвоем при попытке к бегству (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 56, 65, 66, 95, 99, 108, 171).

В то же время Коротков признался в том, что в начале 1919 г. руководил обыском на квартире одного из подпольщиков, в ходе которого были обнаружены замурованные в стене винтовки, пулеметные стволы и патроны (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 55, 66, 96).

Обвинялся Коротков и в использовании своего служебного положения, жестоком отношении к задержанным подпольщикам. 12 марта 1919 г. на квартире жительницы Красноярска А.С. Горайдо милицией были арестованы подпольщики Бабкин, Карпов, Марков, Савиновы и прибывшие за боеприпасами и медикаментами партизанские связные, в частности В.А. М-ва. В милиции они, по свидетельству Горайдо, якобы подверглись избиению, а М-ва была даже изнасилована. Состоявшийся 16 марта военно-полевой суд приговорил подпольщиков-мужчин к смертной казни, а женщин –

к бессрочной каторге. Однако несмотря на заявление допрашиваемого Короткова о его непричастности к этим деяниям показания свидетельницы нашли свое место в обвинительном заключении (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 98, 100, 101, 103, 107, 171).

Согласно следствию, видную роль играл Коротков и в таком эпизоде, случившемся в апреле 1919 г. При обыске конспиративной явки был обнаружен большевик, прибывший с информацией о подпольной работе своих товарищей в Сибири (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 68).

Советская историография доказывала, что «большевистское подполье города, подняв партизанское движение, не выпускало его из-под своего влияния вплоть до прихода Красной Армии» (Гущин Н.Я., Журов Ю.В., Боженко Л.И., 1978. С. 121). Воспоминания участников и публикации историков говорят о наличии в Красноярске в 1918–1919 гг. и разгроме силами правительственных правоохранительных сил трех подпольных большевистских комитетов (Годы огневые, 1962. С. 14–18). Но участие начальника Красноярской милиции лишь в четырех эпизодах борьбы с подпольем еще раз говорит о том, что местные власти, вероятно, не придавали последнему большой политической значимости.

Между тем обусловленная политической обстановкой стихия выросшей преступности имела связь с большевистским подпольем. Так называемые «черные коммунисты-анархисты» добывали денежные средства грабежами, передавали их большевистскому комитету и, зная о его связях, использовали их для заманивания приезжавших с мест подпольщиков. С другой стороны, все чаще в поле деятельности милиции вместе с уголовниками попадали лица, появившиеся в Красноярске с политическими целями. В конечном итоге, экспроприации, осуществляемые уголовниками, вывели оперативников на подпольный большевистский комитет, подвергшийся тут же разгрому (Волков, 2001. С. 148; Эйхе, 1966. С. 219; Штырбул, 1996. С. 43–44).

Деятельность большевиков, опиравшихся на уголовников, отличалась методами борьбы и жестокостью. Покушение было совершено даже на

самого Короткова. 28 февраля 1919 г. он подвергся нападению «качинских головорезов» и был ранен в ногу (Свободная Сибирь, 1919; Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 90, 92).

Деятельность Короткова в должности начальника милиции и его подчиненных высоко оценивалась местными властями и прокуратурой (Звягин, 2001. С. 186, 203). Но в 1947 г. следствие располагало показаниями бывших надзирателей Красноярской тюрьмы о том, что Коротков в числе других должностных лиц каждые два дня регулярно посещал их узилище, где участвовал в избиении, а затем руководил расстрелами политических заключенных (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 84, 87). Отвечая на вопросы следователей, Коротков один из фактов физического наказания заключенного, имевший место в октябре 1918 г., подтвердил. Но в данном случае, судя по его показаниям, воздействию плетью подвергся уголовник, бранью и свистом оскорбивший проезжавших мимо тюрьмы милиционеров. За этот поступок Коротков был наказан в административном порядке (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 55, 57, 66). При сопровождении посещавших тюрьму начальника военного района, управляющего губернии и прокурора, как заявил Коротков, он избиениями «политиков» не занимался (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 97). Относительно своего участия в расстрелах Коротков ответил, что оно заключалось в выполнении им распоряжения коменданта города по усилению охраны общественного порядка во время заседаний военно-полевого суда и его присутствии как официального лица при исполнении смертного приговора.

По свидетельству Короткова, расстрелы осуществлялись на кладбище комендантской командой или воинской частью. Дважды, согласно его показаниям, он находился при расстрелах уголовников, а в третий раз, 21 сентября 1919 г., при нем казнили большую группу политических заключенных. Среди 23 человек ему запомнились молодая активистка Минусинского «Союза трудящейся молодежи» Зинаида Гущик (Коротков назвал ее Верой – прим. А.Ш.) и некий революционер, умиравший с возгласом «Да здравствует Ленин и Троц-

кий!» (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 57, 68, 96).

Имела место и попытка следствия обвинить Короткова в причастности к убийству красноярских совдеповцев А.П. Лебедевой, Т.П. Марковского и С.Б. Печерского. Как известно, они, плененные в районе Туруханска и доставленные 27 июля 1918 г. в Красноярск, во время следования в тюрьму были выхвачены казаками из колонны и затем растерзаны. Коротков, находившийся при встрече пленных как официальное лицо, объяснил, что задержанных сторонников советской власти было несколько сотен, они выгружались из баржи до ночи, а о случившемся он узнал лишь утром, когда жертвы, доставленные в больницу, уже скончались (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 99).

Следствие обвиняло Короткова и как участника подавления солдатского восстания в Красноярске. Отвергая это обвинение, он пояснил, что июльский мятеж 1919 г. был ликвидирован без участия милиции, силами гарнизона и частей чехословацкого корпуса, происшедшее же ему стало известно лишь после возвращения из командировки (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 55, 56, 108).

Наконец, следователи МВД обратились к расследованию деятельности Короткова по созданию и руководству специальными воинскими силами, которые якобы карали население за его просоветское повстанчество. Для борьбы с выросшим партизанским движением в соответствии с распоряжением по МВД Российского правительства от 10 февраля и специальным «Положением» от 21 марта 1919 г. в Сибири началось формирование отрядов, насчитывающих в Енисейской губернии около 500 человек (Балмасов, 2002. С. 73).

Но, согласно свидетельству Короткова, в каждой губернии организовывался один отряд особого назначения, а формирование его осуществлялось по территориальному принципу. Начавшись на Енисее в мае 1919 г., оно не было, как это виделось следователю, «группировкой офицеров». Первыми осназовцами являлись добровольцы, а затем их ряды пополнялись мобилизованными. Командовали ими лица, особо доверенные МВД и подотчет-

ные в своей деятельности лишь губернаторам. Формирование и командование отряда особого назначения в Енисейской губернии с июля 1919 г. было возложено на Короткова. Но слабость финансового и материального обеспечения, а также приближение фронта не позволили ему довести численность осназовцев до положенных по штату 1200 человек. Фактически отряд ОН насчитывал 800 военнослужащих МВД. Его первая и вторая роты под командованием прапорщика Жукова и поручика Мешковского находились в Красноярске, третья рота во главе с подпоручиком Бондарем была расквартирована в Енисейске, а четвертая – в Минусинске. Конный дивизион, возглавляемый неким подполковником, располагался также в губернском центре, взвод же с прапорщиком Гусевым – в Ачинске (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 56, 62, 94, 95, 108).

Наконец, Коротков был вынужден согласиться с доводами следствия о том, что действия его отряда были направлены против «революционно настроенного» населения и носили «карательный» характер. В то же время он отрицал свое непосредственное участие в подавлении беспорядков на Знаменском стекольном заводе и ликвидации партизанского отряда Н.М. Копылова. Объясняя, что на заводе действовал отряд Решетникова из Красноярского гарнизона, а осназовцы во главе с ним лишь находились в оцеплении, Коротков указал, что операцией против партизан руководил подпоручик Власов. Он не скрывал, что командовал подразделениями своего отряда в майских 1919 г. боях с партизанами на Манском и Тасеевском фронтах, а осенью того же года – на минусинском направлении. В конце 1919 г. отряд особого назначения влился в Енисейскую Отдельную казачью бригаду, а Коротков в звании войскового старшины или подполковника перешел на службу комендантом ее штаба (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 19, 40, 64, 95, 98).

С падением белой власти находившийся в Красноярске Коротков был, по некоторым сведениям, арестован, но бежал и вместе каппелевцами совершил «Ледяной поход». В январе 1920 г. он в составе казачьей бригады сражался с красными в районе ст. Зима, в феврале – вблизи ст. Голоустов-

ская, а в мае – в районе Читы. Здесь Коротков был награжден орденом «За Великий Сибирский поход». В ноябре того же года он перебрался из Читы в Маньчжурию. С казаками же, переброшенными в мае 1921 г. для борьбы с Красной армией в Приморье, Коротков появился во Владивостоке, где с июня того же года по октябрь 1922 г. служил помощником начальника Управления милиции Уссурийской железной дороги. Но вновь под напором красных, заставивших своего противника очистить Приморье, он покинул Родину (Бугаев, 1993. С. 242; Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 7, 9, 10, 17, 39, 40, 62).

На чужбине Коротков сначала проживал в г. Маньчжурии, где работал зубным техником. Игнорируя массовый выезд эмигрантов в советскую Россию, он с 1923 г. по рекомендации земляка был принят на службу конторщиком в Маньчжурское отделение «Англо-Сибирской компании», или фирмы «Роберт Смит», которая занималась продажей чая, скупкой пушнины и сырья. Представляя фирму в г. Хайларе, Коротков в 1925 г. переехал в этот город, ставший ему прибежищем на длительное время. Окончив в 1926 г. Харбинскую специальную школу, он открыл в Хайларе кабинет, где занимался зубоврачебной практикой. Одновременно с этой деятельностью он с 1926 г. служил агентом и заведующим конторой Хайларского отделения французского Международного сберегательного общества, а с 1931 или 1932 г. и по 1936 г. – кассиром и заведующим вексельно-страховым отделом местной финансово-сберегательной корпорации американского «Трифткорбанка» (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 5, 10, 11, 63, 73).

В то же время Короткову не была чужда общественная деятельность в среде местной эмиграции. Некоторое время он являлся членом правления Хайларской Русской гимназии (Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 23056. Л. 1 об.).

Между тем Коротков стремился оставаться в политике. Во время мятежа китайских войск в Хайларе в поддержку японских властей он арестовывался штабом охранных войск (Государственный

архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 23056. Л. 12 об.).

Эмигрировавшее в Маньчжурию 20-тысячное казачество расселилось в основном в районе г. Харбина и Трехречья, образуя в Северо-Хинганской провинции целые поселки и хутора. С оккупацией Японией осенью 1931 г. Маньчжурии они были сведены в станицы. Вместо Русского национального общества, занимавшегося в основном вопросами материального положения эмиграции, по инициативе Харбинской японской военной миссии в 1934 г. было создано Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии, которое сотрудничало с созданным еще в 1920-е гг. во главе с Семеновым «монархическим» «Восточным союзом казаков». Коротков в 1934–1936 гг. состоял членом и товарищем председателя правления Хайларского отделения Русского национального общества, начальником местной самообороны, а с 1936 г. и до 1945 г. – членом Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии, представителем Общевоинского и казачьего союзов (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 16, 21, 32, 63, 69).

Не постеснялся Коротков участвовать и в афере, которая принесла большую прибыль его банковскому руководству. В 1936 г. он поддержал инициативу директора Г.Н. Клепачева и членов комиссии о реорганизации или закрытии Хайларского отделения банка. В результате «мошеннического», как считали современники, его банкротства, при котором клиентам возвращалась лишь половина вкладов, им был причинен большой ущерб. По мнению очевидца, Коротков в этом деле проявил себя «большим демагогом, циником, способным в нужную ему минуту прибегать к моральному террору».

Данная операция, проводившаяся в приграничном с СССР районе, не была лишена «политического привкуса» и вызвала пристальный интерес местного общества. Согласно информации лидера Русской фашистской партии К.В. Родзаевского, она была осуществлена «антифашистами», проникшими в Хайларское отделение Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. Среди них назывался и Коротков, имевший будто бы связи с ма-

сонами и американцами и подлежащий по этой причине удалению с банковской службы (Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 23056. Л. 3–7).

С разорением банка Коротков в 1936 г. переехал в ст. Хунхульды Северного Хингана. 4 мая 1936 г. в п. Хунхульды причтом Спасо-Преображенской церкви Харбинской епархии было зарегистрировано бракосочетание Короткова с девицей Вятской губернии Нонной Михайловной Тулакиной 1908 г. рождения, происходившей из семьи русского эмигранта. Ее отец М.К. Тулакин переехал в Маньчжурию еще в 1909 г. и имел в поселке собственные дом и мастерскую. Невеста в 1923 г. окончила Хайларскую Русскую школу, занималась стоматологией. Вслед за тестем Коротков обзавелся домом и стал вести сельское хозяйство. В 1937 г. в его семье родилась дочь Ирина, а в 1939 г. – сын Всеволод (Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 23056. Л. 8, 9, 12 об., 17).

Во главе казачьих станиц находились атаманы, избранные населением и утвержденные Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. В 1937–1938 гг. Коротков избирался помощником, а в 1939–1942 гг. – атаманом ст. Хунхульды. На этом посту Коротков выполнял возложенные на него японскими властями обязанности по сбору налогов с населения, соблюдал в станице установленные

порядки. С присущей ему грубоватостью и прямой поведением он воздействовал на жителей, уличенных в торговле водкой, уничтожении деревьев на кладбище, драках, дебоше и хулиганстве, кулаками и бамбуковой палкой. За эти злоупотребления властью Коротков в феврале 1942 г. был снят с атаманства (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 7, 11, 69).

Важнейшим направлением в деятельности Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии являлась военная подготовка белой эмиграции на случай войны с СССР. По предложению сверху Коротков в 1937 г. организовал в ст. Хунхульды учебную команду из 20–25 молодых людей. Начавшееся в 1941 г. формирование Захинганского казачьего корпуса, осуществлявшееся по территориальному принципу, охватило русское мужское население Трехречья в возрасте от 17 до 56 лет. В казачьих станицах создавались команды, полусотни и сотни. Короткову было поручено формирование дивизиона из забайкальских и читинских казаков.

Деятельность Короткова на этом поприще поощрялась японскими властями и Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии: летом 1941 г. он был награжден орденом «За усердие», в феврале назначен представителем Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии в г. Хайларе и в п. Хунхульды, а в сентябре – главой его хунхульдинского отделения. Обучая жителей ст. Хунхульды и Петропавловская военному делу, Коротков создал и в 1942–1943 гг. командовал Хунхульдинским сводным казачьим дивизионом, состояв-

Рис. 1. Коротков Василий Семенович. Маньчжурия, 1938 г. Фото из фондов Государственного архива Хабаровского края. Публикуется впервые
Fig. 1. Vasily Korotkov. Manchuria, 1938. Photo from the funds of the State Archive of the Khabarovsk territory. Published for the first time

Рис. 2. Короткова Нонна Михайловна. Маньчжурия, 1938 г. Фото из фондов Государственного архива Хабаровского края. Публикуется впервые
Fig. 2. Korotkova Nonna Mikhailovna. Manchuria, 1938. Photo from the funds of the State Archive of the Khabarovsk territory. Published for the first time

шим из 120–150 казаков. Им же в 1944 г. было образовано «Женское общество государственной обороны», членами которого стали 60 казачек (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 7, 11, 13, 39, 47, 70).

Обучение военному делу, длившееся, по свидетельству Короткова, в 1942–1944 г. ежегодно лишь две недели, а один год – 21 день, видимо, не было качественным и не помогло даже в целях самообороны. Отступавшие из Маньчжурии японцы в 1945 г. зверски расправились со своими «союзниками» – хайларским казачьим отрядом Пешкова (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 7; Худобородова, 1998. С. 77).

В связи с сотрудничеством Короткова с японскими оккупационными властями советское следствие в Красноярске обвиняло его в контактах с вражеской разведкой и даже в использовании своего зубоврачебного кабинета в качестве явочного места. Не согласившись с этим обвинением, Коротков все же показал, что в 1941 г. он вызывался в японскую миссию для доклада о положении дел в станице, а ее глава посетил станичников. Информировал он следствие и о том, что на станции Хакэ Китайско-Восточной железной дороги японцами были организованы курсы для подготовки диверсантов, разведчиков и террористов, слушателями которых стали трое жителей ст. Хунхульды и Петропавловская (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 13, 71, 72).

Библиографический список

Балмасов С.С. Отряды особого назначения и борьба против партизанского движения в Сибири колчаковских правительственных структур // *Белая Гвардия*. 2002. № 6. С. 72–76.

Бугаев Д.А. На службе милицейской. Кн. 1. Красноярск: Книжное издательство, 1993. 350 с.

Волков С.В. Трагедия русского офицерства: монография. М.: Центрполиграф, 2001. 543 с.

Годы огневые: сборник воспоминаний участников красноярского большевистского подполья и партизанского движения Енисейской губернии в борьбе за власть Советов (1918–1920 гг.) / гл. ред. В.К. Логинов. Красноярск: Книжное издательство, 1962. 407 с.

Якобы изобличенный свидетелями, Коротков 20 сентября 1947 г. признал себя виновным по ряду пунктов ст. 58 Уголовного Кодекса РСФСР. Обвинительное заключение по его делу 8 января 1948 г. было утверждено прокурором Красноярского края. Следуя ему, судебная коллегия по уголовным делам Красноярского краевого суда на заседании 16 января того же года приговорила Короткова к 25 годам лишения свободы и пятилетнему поражению в правах. Наказание он отбывал в исправительно-трудовом лагере «Песчаный» Министерства внутренних дел СССР. Здесь он, будучи уже 63-летним человеком, попытался смягчить свою участь. Но прокуратура края своим решением от 22 июня 1955 г. отказала Короткову в пересмотре его дела (Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю. Д. 021087. Л. 5, 103, 128, 129, 150, 154, 164).

Безусловно, Коротков являлся врагом большевиков и советской власти, активно проявившим себя в борьбе с ними в Гражданскую войну, оставаясь он противником советской России и в годы эмиграции. Вместе с тем многие преступления, которые инкриминировались ему советскими правоохранительными органами, будучи бездоказательными, являлись надуманными по идейным соображениям. Скорее всего, это был отнюдь не положительный, но сильный человек с простыми устремлениями и крепкой психикой, хорошо выполнявший свои обязанности. Однако жизненный выбор оказался для него губительным.

References

Balmasov S.S. Special forces and fight against the guerrilla movement in Siberia Kolchak government structures. *Belaya Gvardiya* [White Guard], 2002, no. 6, pp. 72–76. (In Russian).

Bugaev D.A. *Na sluzhbe militseiskoi* [In the service of the police]. B. 1. Krasnoyarsk: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1993, 350 p. (In Russian).

Volkov S.V. *Tragediya russkogo ofitserstva* [The Tragedy of the Russian officers]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2001, 543 p. (In Russian).

Loginov V.K. *Gody ognevye: sbornik vospominanii uchastnikov krasnoyarskogo bol'shevistskogo podpol'ya i partizanskogo dvizheniya eniseiskoi gubernii v bor'be za vlast' sovetov (1918–1920 gg.)* [Years of fire: a collection of memoirs of participants of Krasnoyarsk Bolshevik underground and partisan movement of the Yenisei province in the struggle for Soviet power (1918–1920)]. Krasnoyarsk: Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1962, 407 p. (In Russian).

Гущин Н.Я., Журов Ю.В., Боженко Л.И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск: Наука, 1978. 430 с.

Енисейский энциклопедический словарь / гл. ред. Н.И. Дроздов. Красноярск: Русская энциклопедия, 1998. 736 с.

Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака: монография. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 352 с.

Свободная Сибирь. 4 марта 1919 г.

Худобородова А.Л. Место и роль казачества в жизни русской эмиграции в Маньчжурии (1920-е – середина 1940-х гг.) // Годы, люди, судьбы. История российской эмиграции в Китае: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию г. Харбина и КВЖД. (Москва, 19-21 мая 1998 г.). М., 1998. С. 77–79.

Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные: монография. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006. 592 с.

Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика: монография. Ч. 2. 1918–1925. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 174 с.

Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл: монография. М.: Воениздат, 1966. 384 с.

Gushchin N.Ya., Zhurov Yu.V., Bozhenko L.I. *Soyuz rabocheho klassa i krest'yanstva Sibiri v period postroeniya sotsializma (1917–1937 gg.)* [Union of working class and peasants of Siberia in the period of building socialism (1917–1937)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1978, 430 p. (In Russian).

Drozdo N.I. *Eniseiskii entsiklopedicheskii slovar`* [Yenisei encyclopedia dictionary]. Krasnoyarsk: Russkaya entsiklopediya Publ., 1998, 736 p. (In Russian).

Zvyagin S.P. *Pravookhranitel'naya politika A.V. Kolchaka* [Law Enforcement policy A.V. Kolchak]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2001, 352 p. (In Russian).

Svobodnaya Sibir` [Free Siberia]. 4 march 1919.

Khudoborodova A.L. *Mesto i rol' kazachestva v zhizni russkoi emigratsii v Man'chzhurii (1920-e – seredina 1940-kh gg.)* [The Place and role of Cossacks in the life of Russian emigration in Manchuria (1920s – mid 1940s)]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu g. Kharbina i Kvzhd "Gody, lyudi, sud'by. Istoriya rossiiskoi emigratsii v Kitae"* [People of destiny. History of Russian emigration in China]. Moscow, 1998, pp. 77–79. (In Russian).

Sheksheev A.P. *Grazhdanskaya smuta na Enisee: pobediteli i pobezhdennye* [Civil turmoil in the Yenisei: winners and losers]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2006, 592 p. (In Russian).

Shtyrbul A.A. *Anarkhistskoe dvizhenie v Sibiri v 1-i chetverti XX veka. Antigosu-darstvennyi bunt i negosu-darstvennaya samoorganizatsiya trudyashchikhsya: teoriya i praktika* [Anarchist movement in Siberia in the 1st quarter of the twentieth century. Anti-state rebellion and non-state self-organization of workers: theory and practice]. P. 2. 1918–1925. Omsk: Omsk State Pedagogical University Publ., 1996, 174 p. (In Russian).

Eikhe G.Kh. *Oprokinutyi tyl* [Tipped the rear]. Moscow: Voenizdat Publ., 1966, 384 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Шекшеев Александр Петрович,

кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал», Красноярская Епархиальная комиссия по канонизации святых и церковно-историческому наследию, 655017, Российская Федерация, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 59-49, e-mail: Turan47@yandex.ru

Критерии авторства

Шекшеев А.П. выполнил исследование, на основании полученных результатов провел обобщение и написал рукопись, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Aleksandr P. Sheksheev,

Candidate of Sciences (History), member of the Board of the Khakass Republican organization "Society Memorial", Krasnoyarsk Diocesan Commission on canonization of saints and Church-historical heritage, 49, 59 Shchetinkina Str., Abakan 655017, Republic of Khakassia, Russian Federation e-mail: Turan47@yandex.ru

Attribution criteria

Sheksheev A.P. conducted the research on the basis of the obtained results was carried out the synthesis and wrote the manuscript. A.P. Sheksheev has an article on copyright and responsible for the plagiarism.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.